

Сергей

Свой

Выстрел, спасший

Империю

Сергей Свой

Выстрел, спасший Империю

<https://litres.ru/73908683>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он не допустил убийства террористами Александра II. Наш офицер - "попаданец".

Благодаря одному - его выстрелу, получили право на жизнь десятки, если на сотни миллионов россиян.

Это произведение написано в жанре "Альтернативная история", т.е. фантастика - без обсуждения! Автор для написания этого произведения использовал прообразы людей и события, которые, возможно, существовали в истории России. Все действия, описанные в произведении, происходят в неизвестно какой реальности. Если вы хотите сравнить описанное здесь с историей России на нашей планете - обращайтесь в Государственные Архивы Российской Федерации. В интернете есть контакты этих организаций в свободном доступе.

А для желающих просто провести время, читая интересную (надеюсь!) фантастику о стране Россия - вам сюда!)))

С уважением к Вам - автор.

Содержание

Глава	4
Глава 1	5
Глава 2	24
Глава 3	43
Глава 4	68
Глава 5	90
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Выстрел, спасший Империю

Глава

Глава 1

Альтернативная история.

Посвящается тем, кто верит, что иногда одна пуля стоит больше, чем целые батальоны.

ПРОЛОГ. СТРАЖ, УПАВШИЙ ВО ВРЕМЯ

Москва, Кремль, 14 февраля 2024 года, 23:40

Капитан ФСО России Сергей Викторович Нечаев заступил на пост №1 — в смену охраны у Могилы Неизвестного Солдата. Формально объект назывался «Пост вечной славы». Неформально — старые волки госохраны называли его «качелями времени»: от стылого ветра с Александровского сада кружилась голова, а горевшие в граните буквы «Имя твоё неизвестно» казались порталом.

Нечаев нёс службу двенадцатый год. За плечами — две чеченские, сирийская командировка, школа выживания в лесах под Боровском. Он умел убивать человека спичкой, но

теперь стоял смиренно, положив ладонь на карабин, и думал о своём.

Он часто размышлял об истории. Не так, как университетские профессора, а как солдат: где ты сэкономишь патрон, где лучше окопаться, откуда ветер дует перед штурмом.

Особенно его бесило 1 марта 1881 года.

— Дураки, — шептал Нечаев, когда очередной турист фоткался у вечного огня с селфи-палкой. — Ну как можно было оставить царя одного после первого взрыва? Как? Элементарное правило личной охраны: после покушения — немедленная эвакуация в безопасное место. Нельзя выходить к раненым. Нельзя. Этому учат на первом занятии.

Он учил сам. В Центре специального назначения ФСО на курсе «безопасность первых лиц» разбирали каждое покушение XIX века. Делали выводы. И каждый раз Нечаев злился, глядя на схему Екатерининского канала.

— Гриневицкий стоял у перил. Рысаков бросает первую бомбу — она разрывается под копытами. Царь выходит из кареты. Гриневицкий делает шаг и бросает вторую. Смертельно. Точка. Идиоты, ну почему никто не застрелил ту суку до броска?

Ответа не было. История не терпила сослагательного наклонения. Но Нечаев всё равно представлял: вот он, поручик 2-го взвода Собственного Его Величества конвоя, перехватывает револьвер. Выстрел. Террорист падает, бомба выскальзывает из рук, не успевает взорваться или взрывается в воздухе без вреда для первого лица. Царь жив. Конституция Лорис-Меликова подписана. Россия не вступает в бесконечную спираль террора и реакции. И, может быть, его прадед, крестьянин Тамбовской губернии, не попал бы под столыпинские рельсы в 1908-м.

— Хватит мечтать, — одёрнул себя Нечаев. — Ты часовой, а не попаданец в дешёвом романе.

Он переступил с ноги на ногу. Часы на Спасской башне показывали полночь.

И тут небо над Александровским садом вспыхнуло фиолетовым.

Нечаев успел подумать: «Солнечное протуберанец? Нет, не время года». Потом — странный хлопок, похожий на разрыв снаряда «Град», только без свиста. Потом — гравитация перестала слушаться.

Его закутило. В глазах потемнело. Последнее, что он увидел — вечный огонь, вытянувшийся в вертикальную полосу, словно кто-то выдернул спичку из-под земли.

Капитан ФСО Сергей Нечаев исчез. Пост №1 опустел на три секунды. Потом на его месте засиял воронкой разорванный воздух, и караульная служба Кремля зафиксировала аварию — «кратковременное нарушение геомагнитного поля с выбросом темпоральной энергии».

Никто не услышал. ФСО — структура закрытая.

А Нечаев падал сквозь годы. Свистели века. Мелькали кремлёвские звёзды, превращаясь в двуглавых орлов. Запах бензина выветрился, сменившись гарью дровяных печей. Где-то заржали лошади.

Он приземлился на булыжную мостовую. Задницей. Больно. В лицо дунул сырой петербургский ветер — тот самый, который Фёдор Достоевский называл «наиболее угрюмым в мире».

На часах не было ни стрелок, ни времени. Было 2 марта 1881 года.

Двадцать три часа до того, как должна была погибнуть им-

перия.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПОПАДАНЕЦ

Где я? Сука , понял.

Он лежал в луже пополам с навозом. Шинель — чёрт, откуда шинель? — промокла. Сапоги — непривычно мягкие, не кирзовые, на пуговицах. За спиной что-то тяжёлое — ранец. И холодное на бедре: пистолет. Не «Глок», не «ПМ» — тяжёлый, с длинным стволом, старый.

Нечаев сел. Голова раскалывалась. Вокруг — серое утро, туман, идущий от Невы. Справа — изогнутый чугунный мост. Слева — набережная, сани, пролётки. Мужчины в длинных пальто, женщины с кринолинами. Лошадиный навоз.

— Твою мать, — выдох Нечаев голосом, который показался чужим. — Твою мать, твою мать, твою мать...

Он поднялся. Оглядел себя. Форма — тёмно-синяя, с серебряными петлицами. Погоны — поручика. На кокарде — буквы «СЕИВ»? «Собственный Его Императорского Величества конвой»? Да ладно.

Рука сама потянулась к карману. Там — документы. Плотная бумага, витиеватый шрифт. Удостоверение: «Поручик Сергей Викторович Нечаев, Собственный Е.И.В. Конвой, 2-й взвод». Приказ о прикомандировании: «от 28 февраля 1881 г., в распоряжение генерал-майора Дворжицкого, начальника охраны государя».

Ниже — каллиграфически выведено: «На время высочайшего выезда 1 марта сего года нести службу в ближнем кольце. Оружие: револьвер Смит-Вессон русский образец, допуск к несению постов №3 и 4 у кареты».

— Допуск... — прошептал Нечаев. — Пост №3 — левая сторона кареты, в трёх метрах. Идеальный сектор обстрела перил у канала.

Он знал этот маршрут наизусть. Разбирал с курсантами. Точка, где Рысаков бросит бомбу — пересечение Малой Садовой и набережной. Место Гриневицкого — у перил, прямо напротив выхода из кареты.

— Меня перенесли. На сутки. В тело поручика, которого... которого, наверное, не существовало. И дали документы, открывающие доступ к царю. Хм ... Кто ?!

Нечаев замер. Адреналин холодным ручьём побежал по

позвоночнику. Он читал доклады аналитиков ФСБ о «феномене роял-флеша» — почти мистические совпадения, когда человек попадает в точку бифуркации истории. Но чтобы так...

— Ладно. Перестань ныть. Ты капитан спецназа. Ты работал под Шали и в Пальмире. Сейчас у тебя задача — не дать дерьмовым бомбам разорвать императора. А там — будь что будет.

Он одёрнул шинель, проверил револьвер. Барабан полный: шесть патронов. Запасные — в под сумке. Двадцать четыре.

По карте в голове: от этого места — Литейный проспект — до Михайловского манежа, где царь будет после развода караулов, двадцать минут ходу. Сейчас — раннее утро. Значит, у него есть пара часов, чтобы влиться.

Нечаев пошёл. Быстро, но не бегом — офицер не бегаёт. По пути взял у разносчика газету: «Правительственный вестник». Дата: 1 марта 1881 года.

— Сегодня, — пронеслось в голове. — Сегодня в час дня. По набережной. Бомбы. Если я ничего не сделаю, завтра на месте кареты будут щепки, а Александр II войдёт в историю

как царь-мученик.

А Екатерина Долгорукая останется вдовой с четырьмя детьми, и никто не вспомнит о ней добрым словом.

Почему-то подумалось именно о ней. О женщине, которая родила императору детей, жила в Зимнем дворце в полутени, каждую ночь молилась, чтобы он вернулся. Военная привычка: знать биографию охраняемого лица и всех, кто имеет к нему эмоциональный доступ.

— Посмотрим, княгиня, — сказал Нечаев ветру. — Посмотрим, что можно изменить.

Чужая игра

К девяти утра он уже был в казармах Конвоя у Шпалерной. Сказался «прикомандированным из ставки главнокомандующего» — документы прошли. Старый унтер-офицер, глядя на нашивки, козырнул и не задал лишних вопросов.

В казарме курили, чистили оружие, переругивались. Поручика Нечаева никто не знал, но в Собственном Конвое служили люди подневольные — привыкли к новым лицам. Интриги дворцовой не было, зато был порядок: вино только после развода, женщины отдельно, на пост — за десять ми-

нут, с запасной обоймой.

Нечаев встал у окна, глядя на Неву. Мозг работал как компьютер: «Анализ. Время "Ч" – примерно 14:00. Маршрут: от Михайловского манежа до Зимнего. Первая бомба – условно безопасна, но создаёт хаос. Охрана впадает в ступор – это исторический факт. Кто-то бежит к царю, кто-то к раненым. Гриневицкий – второй номер. Моя задача: снять Гриневицкого до того, как царь покинет карету после первого взрыва. Лучше – вообще его нейтрализовать до броска».

Но как? Охрана не имела права стрелять без приказа. А приказ даст только после первого взрыва. Значит, нужно нарушить устав. Стрелять на поражение по подозрительному. И оправдываться потом.

— Поручик, — окликнули сзади. — Вас генерал Дворжицкий требует.

Нечаев внутренне сжался. Генерал-майор Дворжицкий — начальник дворцовой охраны, тот самый, кто в реальной истории после взрыва будет отдавать распоряжения и заплачет, когда увидят мёртвого царя. Человек старой школы: шпага, честь, разгильдяйство на постах не прощает.

Они встретились в кабинете с высокой печкой. Дворжиц-

кий — седой, с бакенбардами, пронзительным взглядом. На столе лежала карта маршрута.

— Вы из штаба Лорис-Меликова?

— Так точно, ваше превосходительство. Прикомандирован для усиления. Специализация — уличная контртеррористическая работа. Имею опыт по Кавказу.

Дворжицкий поджал губы. «Кавказ» звучало убедительно — там действительно резали и взрывали.

— Кавказ? Что ж, лишний глаз не помешает. Вчера полиция опять писала о подозрительных личностях. Эти... народовольцы. Псы. — Он ткнул пальцем в карту. — Вот ваш пост. Левая сторона кареты. При сближении с Малой Садовой — особое внимание. Если увидите что-то неладное — действуйте по инструкции.

— Ваше превосходительство, разрешите доложить. — Нечаев сделал шаг вперёд. — Инструкции устарели. Если происходит взрыв — ни в коем случае нельзя государю выходить к раненым. Немедленная эвакуация в безопасное место.

Дворжицкий вскинул брови:

— Кто вас учил? Государь всегда выходит к пострадавшим. Это его долг.

— Это его смерть, ваше превосходительство. — Нечаев говорил твёрдо, почти дерзко. — Взрыв — первый акт. Террорист под видом просящего или зеваки находится рядом и атакует, когда карета остановилась. Тактика террора: двойное действие. Я видел такое в... в Чечне.

Наступила тишина. Дворжицкий медленно поднялся. В его глазах было не гнев, а удивление — он не привык, чтобы поручики учили генералов.

— В Чечне? — переспросил он. — Вы воевали у Лорис-Меликова? Странно, я не помню вашего лица на совещаниях.

— Я... — Нечаев чуть не сказал «из будущего». Вовремя прикусил язык. — Я служил в разведке. Конфиденциально.

Он надеялся, что слово «конфиденциально» прозвучит как ссылка на высшие круги. Не прокатило. Дворжицкий нахмурился:

— Я наведу справки. А пока — займите пост. И без само-

деятельности. Поняли, поручик?

— Так точно.

Нечаев вышел. В груди колотилось: «Справки? Чёрт, каких справок? Меня не существует в архивах. Если он начнёт проверять — провал. Нужно успеть до того, как...»

Мысль оборвалась. Он вспомнил, что в реальной истории проверка продлилась бы дня три, а сегодня — 1 марта. Царь выедет через четыре часа.

Успеет.

Княгиня, которая всё чувствует

Но прежде чем случился выстрел, случилась она.

После смотра у Дворжицкого Нечаев получил возможность пройтись по маршруту. Взял коня (он умел ездить верхом — в ФСО учили всему), проехал от Михайловского манежа до набережной. Отметил места: вот здесь, у аптеки, будет стоять Рысаков с белым пакетом. Вот здесь, у поворота, Желябов должен был сигналить, но его арестовали накануне.

«Значит, план нарушен, но Гриневицкий всё равно вый-

дет — у них запасной вариант», — думал Нечаев.

И тут он увидел её.

Карета — тёмно-синяя, с гербами, запряжённая парой гнедых. Стояла у подъезда небольшого, но изящного особняка на Миллионной. Из кареты выходила женщина в чёрном платье, с вуалью. Нечаев замер. Он видел фото Долгорукой — овальное лицо, тёмные глаза, вьющиеся волосы. На фото она казалась красивой. Вживую — была опасной.

Она повернулась. Заметила офицера на коне, который уставился на неё. На секунду Нечаев почувствовал себя дураком, но потом княгиня сама подошла.

— Вы из Конвоя? — спросила низким, грудным голосом.
— Где государь? Он уже в манеже?

— Так точно, ваша светлость. — Нечаев спрыгнул с коня, отдал честь. — Государь изволит присутствовать на разводе. Выезд в час.

Она прищурилась:

— Странно. Вы не похожи на конвойца. У них лица глупее. А вы... вы смотрите так, будто знаете, что случится се-

годня.

Сердце екнуло. У женщин-современниц ФСО учили: остерегайтесь интуиции. Долгорукая, похоже, была из тех, кто видит людей насквозь.

— Я просто офицер, ваша светлость, — мягко ответил Нечаев. — Берегу тех, кто дорог России.

— Кому дорог? — Она поправила вуаль. В её глазах плескалась усталость многолетнего ожидания. — Государю не нужна моя любовь, поручик. Ему нужна жизнь. Но сегодня — какой-то тяжёлый день. Знаете, я вчера видела сон. Мокрую землю. И гроб. Огромный гроб.

— Не будет гроба, — вырвалось у Нечаева. Слишком быстро. Слишком уверенно. Он тут же добавил: — Я лично прослежу, чтобы всё прошло благополучно.

Долгорукая посмотрела на него долгим взглядом. Потом неожиданно взяла за руку (рука была ледяная) и прошептала:

— Вы знаете что-то, чего не знаем мы. Я чувствую. — Она вдруг перекрестила его. — Спасите его, ради Бога. Ради наших детей.

Нечаев сглотнул. В эту секунду он понял, почему Александр II любил её. В ней не было протокольной холодности императрицы Марии Александровны. В ней был огонь, страх, нежность — всё, что делает человека человеком.

— Клянусь, — сказал Нечаев. — Клянусь своей жизнью.

Она кивнула и ушла в особняк. Нечаев остался стоять, чувствуя, как осенний ветер пробирает шинель.

— Ну вот, — сказал он коню. — Обещал женщине. Теперь точно нельзя лажать.

Конь фыркнул.

Первая бомба — не цель, а ловушка

Ровно в 12:45 Нечаев занял пост. Левая сторона кареты — императорской кареты, запряжённой шестёркой вороных. Внутри — Александр II, он же царь-освободитель. Седой, с усталым лицом, в папахе и бобровой шубе.

Охрана — конные и пешие. Всего около сорока человек, но рассредоточены. Картинка, которую Нечаев разбирал на тактических занятиях: «Ошибка номер один — карета идёт

медленно (10 км/ч), слишком уязвима. Ошибка номер два — нет бронирования. Ошибка номер три — маршрут известен».

Карета тронулась от манежа. Поехали по Инженерной, свернули на набережную.

Сердце стучало как метроном. Нечаев скакал слева, в трёх метрах от дверцы. Револьвер — на предохранителе, но ладонь уже сжимала рукоять.

Вот он, Екатерининский канал. Перила. Толпа — негустая, зеваки, торговки. Вон Рысаков — белый конверт под мышкой, стоит у булочной. Глаза бегают.

Нечаев знал: у Рысакова граната. Сейчас он шагнёт и бросит под копыта.

— Давай же, — прошептал Нечаев. — Бросай. Я не могу стрелять в тебя, пока ты не бросил — Гриневицкий не активируется.

Всё случилось в три секунды.

Рысаков выбежал. Взмах. Белый свёрток полетел под переднюю пару. Взрыв — оглушительный, гулкий, с осколками

железа. Лошади заржали, карета дёрнулась, стекла вылетели.

Нечаев удержался в седле. Посмотрел на карету: император жив, открывает дверцу, выходит.

— Чёрт, — выдохнул Нечаев. — Всё идёт по их сценарию.

Царь наклонился над раненым казаком. Охрана бросилась к нему. Сзади толпа заколыхалась — и Нечаев увидел Гриневицкого.

Короткий, рыжеватый, в рваной шубе. В руках — сверток, больше, чем у Рысакова. Несёт направленно, пригнувшись, к перилам у канала — в трёх метрах от царя.

И тут Нечаев сделал то, чему его учили.

Никакого «Остановись, стрелять буду». Никакого предупреждения. У террориста с бомбой — только мгновение, и это мгновение надо украсть.

Он выхватил Смит-Вессон, вскинул руку, поймал в прорезь целика голову Гриневицкого и нажал на спуск.

Грохот револьвера потерялся в шуме толпы. Но пуля в 11 миллиметров угодила террористу в висок — навыки капита-

на спецназа не подвели. Гриневицкий дёрнулся, рука с бомбой повела вбок, он поскользнулся на булыжниках.

И бомба выпала. Ударилась о камень.

И взорвалась.

Но не так, как в реальной истории — там она разорвалась бы в ногах царя. Теперь — в метре от умирающего Гриневицкого, у перил. Взрывная волна рванула наружу, срезала перила, выбила камни из мостовой.

Царя отбросило назад, но он не упал — закрыл лицо руками. Осколки прошли по касательной. Нечаева конь шарахнулся, едва не сбросил.

Когда дым рассеялся, Гриневицкий лежал на спине с пробитой головой и разорванной грудью. Рядом — воронка, куски шубы, куски льда из канала.

Тишина. Потом крик:

— Государь! Государь ранен?

Александр II опустил руки. На лице — ссадина, но живой. Глаза широко открыты: он понял, что только что случилось.

— Кто стрелял? — спросил царь хрипло. — Кто спас меня?

Нечаев прыгнул с коня, подбежал, взял под руку:

— Ваше величество, прошу в карету. Немедленно. Второй взрыв мог быть не последним.

Царь посмотрел на него. Взгляд — не благодарность, а изумление. Потом медленно кивнул.

— Вы правы, поручик. Поехали.

Карета, с разбитыми стёклами, но всё ещё на ходу, развернулась и укатила к Зимнему. Конвой окружил её плотным кольцом. Нечаев остался на месте — его обязанность была ждать разбирательства.

Он стоял над телом Гриневицкого и смотрел на лужу крови, смешанную с водой из канала. В голове билась одна мысль:

«Это не убийство. Это оперативное мероприятие. Я спас империю. Я спас женщину. Теперь — держись, Сергей. Держись, потому что самое интересное только начинается».

Глава 2

Глава вторая

Кто вы, поручик?

Он стоял и смотрел на убитого. Ветер тянул с канала гарью и кровью. Подошли жандармы, кто-то пытался оттеснить толпу. Гриневицкий лежал в неестественной позе – одна нога на перилах, вторая в воде, лицо превратилось в месиво. Всё же пуля от современного револьвера "Смит - Вессон", попавшая в голову, такие чудеса с лицом "потерпевшего" творит, что не дай Бог! Даже жена родная может его не узнать. Там просто "лица" как такового может не быть ...

Нечаев перекрестился автоматически. Не потому, что был верующим – в ФСО учат уважать чужие ритуалы. Просто в 1881 году, если офицер не крестится над трупом террориста, его могут заподозрить в неблагонадёжности.

– Поручик! – окрик сзади. – Вы не ранены?

Обернулся. Генерал Дворжицкий, бледный, с трясущимися усами, смотрел на него как на привидение.

– Так точно, ваше превосходительство, не ранен. – Нечаев одёрнул шинель. На рукаве – кровь Гриневицкого, брызги. Он вытер их платком.

– Как вас... – Дворжицкий запнулся. – Как вы посмели стрелять без приказа? Государь мог пострадать от вашей пули!

– Ваше превосходительство, – Нечаев говорил спокойно, как на отчётном занятии в академии. – Террорист держал в руке бомбу. Он уже занёс её для броска. Дистанция до государя – три метра. Времени на предупреждение не было. Я действовал согласно параграфу 7 устава военной полиции о защите первого лица в условиях непосредственной угрозы.

Дворжицкий зыркнул:

– Какого параграфа? Нет такого параграфа!

Нечаев помолчал. Параграфа действительно не было – он его придумал на ходу, вспомнив современные инструкции.

– Правила Кавказского военного округа, – нашёлся он. – От 1878 года. В порядке исключения для офицеров, прошедших боевые действия против горцев. Там прямо сказано: при виде вооружённого лица, готовящегося к нападению на ко-

мандующего, разрешается открыть огонь без предупреждения.

Это была почти правда. На Кавказе такие правила действительно вводили. Дворжицкий, прослуживший всю жизнь в Петербурге, не мог этого знать.

Генерал поморщился:

– Вашу мать... Ладно. Доложу государю. А вы – в карательное помещение. И не вздумайте никуда уходить. Придет следователь.

– Есть.

Нечаева увели двое конвойцев. Он шёл по мокрым камням, чувствуя спиной взгляды толпы. Кто-то шептал: «Убил, убил человека», кто-то – «Герой, глянь, как метко». Женщина в чёрном платке перекрестила его.

«Первый шаг сделан, – думал Нечаев. – Царь жив. История свернула. Теперь – доказывать, что я не провокатор и не сумасшедший».

Государь благодарит

В караулке он просидел два часа. Пахло щами и махоркой. Конвойцы косились, но не заговаривали – офицер есть офицер. Нечаев прокручивал в голове варианты.

«Сейчас они обыщут труп Гриневицкого. Найдут чего то от динамитной бомбы, чертежи, явки. Поймут, что это не одиночка. Царь в бешенстве – покушение, которое он пережил чудом. Меня вызовут. Вопросы: откуда я знал, куда целиться? Почему именно в этого человека? Почему выстрел был так быстр?»

Он готовил легенду: «Я заметил подозрительного из-за того, что он стоял слишком близко к перилам, не смотрел на карету, а наблюдал за государем. В руке у него был узел, похожий на бомбу. Я узнал тип взрывного устройства по описанию из полицейских циркуляров».

«Сойдёт, – решил Нечаев. – Интуиция плюс опыт. В конце концов, на Кавказе я действительно видел самодельные бомбы».

В дверь вошли двое: флигель-адъютант в расшитом мундире и здоровенный унтер с нашивками.

– Поручик Нечаев? – спросил адъютант с холодной вежливостью. – Его величество приказали вас доставить.

– Слушаюсь.

Нечаев встал, проверил пуговицы, козырнул. Адъютант окинул его взглядом, будто оценивая, не пронесёт ли офицер в Зимний вторую бомбу. Унтер пошёл сзади – на всякий случай.

Они вышли на улицу. Сани уже ждали. Нечаев сел, и лошадь рванула по набережной к Зимнему дворцу. Мимо проплыли Петропавловка, Эрмитаж, арка Главного штаба. Дворцовая площадь – пустая, только часовые у Александровской колонны.

«Сейчас я войду туда, где никогда не был, – подумал Нечаев. – В кабинет российского императора. И буду разговаривать с живым Александром II. Тем самым, который через двадцать лет после отмены крепостного права хотел конституцию. Который любил женщину, а не придворную интригу. Которого убили через несколько минут после моего выстрела в реальной истории».

Сани остановились. Флигель-адъютант открыл дверцу:

– Прошу за мной.

Император

Кабинет Александра II находился в левом крыле Зимнего – огромная комната с высоченными окнами, выходящими на Адмиралтейство. Стол красного дерева. На столе – карты, бумаги, чернильница, фотография женщины в овальной рамке.

Нечаев узнал Долгорукую.

У камина стоял царь. Без папахи, в сюртуке, с перевязанной щекой – это осколок камня поцарапал, когда бомба Гриневецкого рванула у перил. Выглядел он старше своих шестидесяти двух лет. Мешки под глазами. Усталость в каждой морщине.

Но глаза – живые, цепкие. Глаза человека, который пережил шесть покушений и научился не бояться.

– Войдите, поручик, – сказал царь. Голос – низкий, с хрипотцой. – Поближе.

Нечаев шагнул, щёлкнул каблуками, замер в трёх шагах.

– Ваше императорское величество, поручик Нечаев по вашему приказанию прибыл.

Александр изучал его долго. Минуту, другую. Нечаев стоял, не отводя взгляда – смотреть в глаза охраняемому лицу разрешается, если это требуется для контакта. Царь, похоже, оценил.

– Вы спасли мне жизнь, – наконец сказал он. – Глупо было бы сперва наградить, потом спросить, как вы это сделали. Поэтому – спрошу. Как?

– Ваше величество, я заметил молодого человека в рыжей шубе. – Нечаев говорил чётко, как на допросе. – Он стоял у перил, но не смотрел на карету, не смотрел на толпу. Он смотрел на ваше величество. И в его руке был свёрток, похожий по форме на самодельное взрывное устройство. Такие я видел на Кавказе. Когда разорвалась первая бомба, он шагнул вперёд. У меня не было выбора.

– У вас был выбор, – жёстко сказал царь. – Можно было крикнуть «остановись*». Или выстрелить в воздух. Или побежать ко мне, чтобы заслонить собой. Но вы выстрелили ему в голову. Зачем?

Нечаев на секунду закрыл глаза. «Он проверяет. Хочет понять – убийца я или герой».

– Потому что, ваше величество, крик «остановись» не останавливает фанатика с бомбой. Выстрел в воздух – трата времени. А бежать и заслонять собой – глупо: я могу заслонить одну часть вашего тела, но взрыв разорвёт остальное. Единственный способ – убрать угрозу до того, как она активируется. Пуля в голову – самый надёжный способ.

Александр кашлянул – нервно, прикрыв рот платком.

– Вы рассуждаете как профессиональный убийца, поручик.

– Как профессиональный охранник, ваше величество. Разница только в целях.

Царь хмыкнул. Прошёлся по кабинету, остановился у окна, спиной к Нечаеву. Тишина. Только часы на камине тикают.

– Дворжицкий говорит, что вас никто не знает. Ни в Конное, ни в штабе. Появились два дня назад с бумагами от Лорис-Меликова, но граф Лорис-Меликов не помнит, чтобы подписывал приказ о вашем прикомандировании. – Александр обернулся. – Кто вы, поручик?

Нечаев выдохнул. «Ложь комом в горле. Правда – опасна.

Но если он попросит показать кавказское удостоверение – что я скажу?»»

– Ваше величество, – сказал он медленно, – я человек, который знал, что сегодня будет покушение. Не потому, что я с ними заодно. А потому, что... я из другого времени.

Царь замер. Глаза сузились.

– Вы смеетесь надо мною, поручик?

– Никак нет. – Нечаев сделал шаг вперёд. – Ваше величество, через три минуты после того, как я выстрелил, я должен был сказать вам, что вы не умрёте сегодня. В реальной истории, которая не случилась, вы должны были погибнуть. Бомба Гриневицкого разорвала бы вам ноги, и через час вы скончались бы в Зимнем дворце. На престол бы взошёл ваш сын Александр Александрович – человек жёсткий, реакционный. Он свернул бы все реформы. А через тридцать лет его сын, Николай II, проиграл бы войну и погубил империю. – Нечаев перевёл дух. – Я из России 2024 года. Я пришёл спасти вас. Чтобы спасти всех нас.

Кабинет качнулся. Царь побледнел так, что щека, перевязанная бинтом, стала белее бинта.

– Докажите, – выдохнул он.

Нечаев полез в карман. Вытащил тот самый брелок с портретом Александра II (подарок сувенирной лавки у Исаакия) и монету 2024 года, которая каким-то образом оказалась в кармане. Положил на царский стол.

– Это ваше изображение на брелоке. Чеканка конца XX века. Монета – десять рублей, 2024 год. Посмотрите на дату.

Александр подошёл, взял монету дрожащими пальцами. Повертел. На реверсе – двуглавый орёл, но не такой, как сейчас. Сверху надпись: «Российская Федерация».

– Федерация? – переспросил царь хрипло. – Что это значит?!

– Это значит, что в моём времени императоров нет. Россия – республика. Президент. Демократия. – Нечаев увидел, как исказилось лицо Александра, и поспешил добавить: – Но вы, ваше величество, в этом времени были освободителем. Вас любили. Вашу смерть оплакивали. Если бы вы подписали конституцию, может быть, история пошла бы иначе.

Царь сел в кресло. Смотрел на брелок, на монету, на офицера, который стоял перед ним и которого не существовало

в архивах.

– Если это шутка, поручик, – глухо сказал Александр, – вы поплатитесь головой.

– Это не шутка, ваше величество. – Нечаев подошёл к окну. – Сейчас 1 марта 1881 года. Через три дня вы можете подписать проект конституции Лорис-Меликова. В моей истории вы не успели – вас убили. Но теперь успеете. И тогда, возможно, России не придётся пройти через 1917 год, гражданскую войну и семьдесят лет советской власти.

Тишина. Долгая. Царь провёл рукой по лицу, задел повязку, поморщился.

– Вы хотите сказать, – медленно произнёс он, – что Бог дал мне второй шанс?

– Я не знаю, при чём тут Бог, ваше величество. Я капитан спецназа, а не священник. Я просто хочу, чтобы моя страна не развалилась. А ваша – тем более.

Александр II поднял глаза. В них уже не было шока – появилась стальная решимость, та самая, которая помогла ему отменить крепостное право вопреки воле помещиков.

– Хорошо, поручик. Допустим, я поверил. Но нам нужно многое обсудить. И, пожалуйста, никому больше не рассказывайте, откуда вы. Хотя бы до тех пор, пока я не решу, что с вами делать.

– Я не идиот, ваше величество.

– Рад это слышать. – Царь встал, подошёл к столу, нажал кнопку звонка. Вошёл камердинер. – Принесите чаю. И велите позвать... – он запнулся. – Велите позвать княгиню Долгорукую.

Нечаев внутренне напрягся. «Она. Снова. Сейчас начнётся».

Камердинер исчез. Царь повернулся к Нечаеву:

– Она была права. Говорила, что сегодня дурной день. И велела мне не ехать. Женщины чувят смерть лучше нас, поручик. Вы её видели сегодня?

– Да, ваше величество. Встретил на Миллионной. Сказал ей, что сегодня не будет гроба.

Царь криво усмехнулся:

– Вы многим рискуете. Вашими пророчествами. Но... я хочу, чтобы вы познакомились с ней. Поближе. Потому что, если всё, что вы сказали – правда, она должна знать, кому обязана жизнью мужа.

В дверь постучали. Вошла Долгорукая.

Княгиня

Она переделалась – вместо утреннего чёрного платья было сиреневое, с кружевами. Но лицо осталось бледным, и руки дрожали, когда она взяла поданный стул.

– Саша, – сказала тихо, забыв про этикет. – Ты жив? Они говорят, бомба...

– Жив, Катя, жив. – Александр подошёл, взял её руки. – Благодаря вот этому офицеру.

Долгорукая подняла глаза на Нечаева. И тут же узнала:

– Вы! Тот поручик у кареты. Вы сказали «не будет гроба»... – Она всхлипнула, но быстро взяла себя в руки. – Кто вы?

– Поручик Нечаев, ваша светлость. Ваш... сегодняшний

должник.

– Нет, – покачала головой княгиня. – Вы больше чем должник. Вы – орудие Божье. – Она перевела взгляд на мужа. – Саша, он спас тебя. Дай ему что хочешь. Деньги, земли, титул...

– Он просит конституцию, – сухо сказал Александр.

Долгорукая замерла. Потом, неожиданно, рассмеялась – звенящим, нервным смехом:

– Конституцию? Поручик? Вы – революционер?

– Я – реалист, – ответил Нечаев. – Ваша светлость, если вы хотите спокойно жить с императором, растить детей и не бояться, что завтра его убьют, – стране нужны перемены. Террор возникает там, где нет законного способа изменить власть. Дайте Думу, дайте свободу слова – и бомбы уйдут в прошлое.

Долгорукая смотрела на него долго. Потом медленно кивнула:

– Я не понимаю в политике. Я понимаю только одно: сегодня вы были готовы умереть за моего мужа. – Она встала,

подошла к Нечаеву, положила ладонь на его плечо. – Спасибо вам. Если вам нужна будет моя помощь – вы её получите.

– Княгиня, – мягко сказал Нечаев, – мне нужна только одна помощь: чтобы вы не плакали. И чтобы ваши дети выросли с отцом.

Она улыбнулась сквозь слёзы. Александр обнял её за талию.

– Поручик, – сказал царь, – ступайте пока. Отдохните. Завтра в десять утра жду вас в этом кабинете. Будем думать, как спасти Россию. А сегодня – я хочу побыть с женой.

Нечаев щёлкнул каблуками, повернулся и вышел. В коридоре, когда дверь закрылась, он прислонился к стене и выдохнул:

– лядь... Пронесло.

Разговор с цесаревичем

Но отдыха не получилось.

В тот же вечер, когда Нечаев вернулся в казармы, его уже ждал высокий, плотный мужчина в генеральском мундире.

Цесаревич Александр Александрович – будущий Александр III, тот самый, который в реальной истории скажет «Россия для русских» и похоронит реформы.

Сейчас ему было тридцать шесть. Грузный, с бородой, тяжёлым взглядом. Он сидел на лавке, на которой Нечаев чистил сапоги, и вертел в пальцах монету – ту самую, из 2024 года.

– Значит, это ваше, поручик? – спросил цесаревич глухо.
– Отец дал мне посмотреть. Чудо.

– Ваше императорское высочество... – начал Нечаев, но тот перебил:

– Не надо. Я слышал, что вы наговорили отцу. Что я буду реакционером. Что мой сын проср... – он запнулся, подбирая цензурное слово. – Что мой сын погубит империю. Это правда?

Нечаев помолчал. Говорить с цесаревичем, который в его времени давно мертв, но сейчас жив и зол – особое искусство.

– Правда, ваше высочество. Но не потому, что вы плохой человек. А потому, что время требовало жёсткости, а вы да-

ли её слишком много. Вы убили надежду на реформы. А надежду, однажды убитую, невозможно воскресить.

Цесаревич сжал монету так, что побелели костяшки:

– Вы... вы... Да я вас в Сибирь!

– Отправляйте. – Нечаев стоял спокойно, сложив руки за спиной. – Но тогда ваш отец узнает, что вы посадили человека, который спас ему жизнь. И узнает правду – что именно вы сделаете с Россией, если он умрёт. А он только что подписал конституцию.

Цесаревич вскочил, побагровев:

– Сопляк! Щенок!

– Ваше высочество, я старше вас по возрасту. И по жизненному опыту, пусть и из другого века. – Нечаев не повысил голоса. – Я пришёл не враждовать с вами. Я пришёл сказать: вы можете стать другим. Не тем Александром Третьим, который сказал «Конституция? Чтобы русский царь присягал каким-то скотам?» А тем Александром, который продолжит дело отца. Который поймёт, что огромная империя не может держаться на одних штыках.

Наступила гробовая тишина. За дверью караулки кто-то кашлянул.

Цесаревич смотрел на Нечаева, и в его глазах постепенно гнев сменялся... растерянностью. Он привык, что его боятся. А этот странный поручик не боялся.

– Вы ничего не боитесь? – спросил он наконец.

– Боюсь, ваше высочество. Боюсь, что вы меня всё-таки пошлёте в Сибирь, и тогда я не увижу, как ваша сестра Ольга выйдет замуж за греческого короля, как вы построите Транс-сиб и как умрёте в пятьдесят лет от болезни почек. – Нечаев вздохнул. – Но бояться и молчать – разные вещи.

Цесаревич опустил на лавку. Положил монету на стол.

– Ольга? Греческий король? – пробормотал он. – Транс-сиб?..

– Всё в ваших руках, ваше высочество. – Нечаев шагнул к нему и тихо сказал: – Не будьте тем, кем вас сделали в моей истории. Будьте лучше. Ради вашего сына. Ради всех нас.

Цесаревич долго молчал. Потом встал, надел фуражку.

– Хорошо, поручик. Я подумаю. Но если вы врете – я вас лично пристрелю.

– Если я вру, ваше высочество, я сам попрошусь под расстрел.

Цесаревич вышел, тяжело топая сапогами. Нечаев остался один. Он взял кружку с остывшим чаем, глотнул и устало закрыл глаза.

«Завтра – подписание конституции. Послезавтра – арест народовольцев. А через месяц – коронация княгини Долгорукой. И моя вечная война с историей, которая не хочет меняться».

Глава 3

Глава третья

Конституция, которую не ждали

Утро 2 марта 1881 года началось для Петербурга с морозного тумана и слухов. По городу, как тараканы, расползались панические вести: «Царя убили!», «Нет, не убили, ранили!», «Ах, какой офицер, застрелил злодея прямо на месте!». У Зимнего дворца толпился народ — не бунтовать, а молиться. Женщины крестились, мужики снимали шапки. Государь жив — и уже одно это казалось чудом.

Нечаев спал три часа. В казарме на Шпалерной, на жёсткой койке, под шинелью. Ему снились взрывы, кремлёвские стены и размокшая монета 2024 года, которую цесаревич вертел в пальцах. Проснулся от того, что кто-то тряс за плечо.

– Поручик, вставайте. Граф Лорис-Меликов прислал за вами.

Он сел, протёр глаза. За окном ещё темно. Часы показывали половину седьмого. «Рановато для визитов вежливости».

– Что случилось?

– Не знаю. Велено доставить вас срочно.

Через двадцать минут Нечаев уже сидел в санях, постукивая зубами от холода. Ехали на Большую Морскую, в здание Министерства внутренних дел. Лорис-Меликов, герой русско-турецкой войны, победитель чумы в Ветлянке, диктатор с либеральным лицом, жил и работал там же, в министерских апартаментах.

Нечаев знал его по портретам: высокий, седой, с орлиным профилем и усами а-ля барон Мюнхгаузен. Вживую граф оказался старше и суровее. В кабинете пахло табаком и мятой — от нервов.

– Входите, поручик, – сказал Лорис-Меликов без приветствий. – Государь мне всё рассказал. О вас и о... – он сделал паузу, подбирая слово, – о вашем происхождении. Я человек военный, в чудеса верю с трудом. Но вчерашнее покушение и ваш выстрел заставляют задуматься. Садитесь.

Нечаев сел на стул с прямой спинкой. На столе между ними лежала стопка бумаг — наверху, размашистым почерком, «Проект конституции. Окончательный вариант».

– Вы знаете, что здесь написано? – спросил граф, кивнув на бумаги.

– Знаю. Создание законосовещательной Думы из выборных представителей земств и городов. Наделение Думы правом законодательной инициативы. Фактически — первый шаг к парламенту.

Лорис-Меликов поднял бровь:

– Вы хорошо осведомлены для поручика.

– Я из времени, где такие парламенты работают уже полтора века. Могу рассказать, что из этого вышло хорошо, а что плохо.

– Расскажите позже. – Граф откинулся в кресле. – Сейчас главное: сегодня в десять утра государь подписывает манифест. Против — Сенат, Синод, большая часть министров. За — только я, Победоносцев (как ни странно) и теперь вы. Вы, поручик, который вчера спас ему жизнь. Ваше слово может стать решающим.

Нечаев помолчал. Потом спросил:

– А какие доводы у противников?

– Обычные: «конституция разрушит самодержавие», «выпустим джинна из бутылки», «народ не готов». – Лорис-Меликов усмехнулся. – Последнее, кстати, отчасти верно. Но если не начинать сегодня, не будем готовы никогда. Террор не остановить полицейскими мерами. Нужно дать людям легальный голос.

– Согласен с Вами. – Нечаев встал. – Граф, разрешите идти. Я должен быть у государя в десять. Если он меня позовёт.

– Он позовёт. – Лорис-Меликов взглянул на часы-луковицу. – А пока... вот вам папка. Тут список народовольцев, которых мы взяли вчера и сегодня. Желябов уже в тюрьме. Перовскую взяли на Малой Садовой, когда она пыталась уйти с бомбой. Софья Перовская, знаете такую?

– Знаю. Единственная женщина среди организаторов убийства. В моей истории её повесили.

– Здесь тоже повесят. – Граф сказал это спокойно, как о погоде. – Но до этого она должна рассказать, кто ещё остался на свободе. Вы, поручик, вчера лишили их главного оружия — сенсации. Убийство царя потрясло бы Россию. А так — всего лишь очередное покушение, неудачное. Их авторитет

падает.

– Значит, наша задача – добить их авторитет. – Нечаев взял папку. – Граф, разрешите одно предложение?

– Слушаю.

– Устройте публичный допрос Рысакова. Не в каземате, а в зале суда. С журналистами. Пусть все увидят, что это не герои, а жалкие фанатики, которые чуть не убили царя, но были остановлены одним метким выстрелом. И пусть государь лично наградит меня орденом при народе. Герой нужен не мне — нужен режиму. Живой герой, который стреляет в террористов, а не гибнет от их рук.

Лорис-Меликов задумался. Потом медленно улыбнулся — впервые за утро.

– Вы, поручик, опасный человек. Но вы мне нравитесь. Сделаем.

Час икс

В 9:45 Нечаев уже стоял в том же кабинете Зимнего дворца, где вчера говорил с царём. На этот раз здесь было многолюдно. Присутствовали: министр двора граф Адлерберг

(старый, злой, с моноклем), обер-прокурор Святейшего Синода Победоносцев (сутулый, с глазами-буравчиками), военный министр Милютин, а также трое-четверо сановников, которых Нечаев не узнал.

Царь сидел за столом, бледный, с заметно дрожащей рукой. Рядом, на маленьком стульчике в углу — княгиня Долгорукая. Её присутствие было вопиющим нарушением этикета: она не имела права находиться на государственном совещании. Но после вчерашнего Александр II, кажется, решил плевать на приличия.

– Господа, – начал царь глухо. – Сегодня мы должны решить судьбу России. Проект графа Лорис-Меликова лежит перед вами. Я намерен его подписать.

– Ваше величество, – поднялся Адлерберг, – умоляю! Это начало конца. Дума — это революция. Выпустите народ на трибуну, и завтра же потребуют отмены монархии!

– Ваше сиятельство, – спокойно ответил царь, – вы говорите так, будто народ сейчас не требует отмены монархии. А что такое бомбы народовольцев? Это и есть требование, только кровавое. Я выбираю меньшее зло.

Победоносцев, до этого молчавший, заговорил тонким,

скрипучим голосом:

– Государь, я не против Думы как таковой. Я против того, чтобы она была выборной. Выборы — это хаос. Назначайте членов Думы сами. Контролируйте. Тогда да.

Нечаев не выдержал:

– Ваше превосходительство, назначенная дума — это не дума, а департамент чиновников. Люди не будут её уважать. А неуважаемую власть свергают.

Победоносцев обернулся, будто впервые заметил поручика:

– Кто этот молодой человек? И почему он говорит на со-
вещании?

– Это поручик Нечаев, – сказал царь. – Тот, кто вчера спас мне жизнь. Я разрешил ему высказываться.

– Это не его уровень, ваше величество. Дайте ему Георгия и отправьте в полк.

– Я подумаю, – отрезал Александр. – А сейчас — вопрос о Думе. Я подписываю проект Лорис-Меликова. Возражения

принимаются в письменном виде, в течение часа. После этого манифест публикуется.

В комнате повисла тяжёлая тишина. Адлерберг побагровел, но промолчал. Победоносцев опустил глаза. Министры переглянулись — и никто не сказал ни слова.

Царь взял перо, обмакнул в чернильницу и поставил подпись. Размашистую, чуть дрожащую.

– Всё, господа. С этого дня Россия — не самодержавная, а конституционная монархия. Дума приступает к работе с 1 сентября. Лорис-Меликов — назначается председателем Совета министров. Все свободны.

Сановники поднялись, поклонились и начали выходить. Долгорукая пересела ближе к мужу, взяла его за руку. Её лицо было бледным, но глаза сияли.

– Саша, – прошептала она, – ты сделал это.

– Мы сделали это, – поправил царь. – Если бы не твоя молитва и не выстрел этого офицера... – он кивнул на Нечаева, – я бы сейчас лежал в подвале, и эти господа хоронили бы меня с почестями. А потом свернули бы все реформы.

Нечаев шагнул вперёд:

– Ваше величество, разрешите сказать.

– Говорите.

– Теперь самое трудное: нужно объяснить народу, что конституция — это не слабость, а сила. Что царь не испугался бомб, а сделал шаг к народу. Манифест должны зачитать во всех церквях, на всех площадях. И нужно срочно амнистировать политических заключённых, кроме тех, кто участвовал в покушениях. Чтобы революционеры увидели: бороться с властью теперь можно законно.

Царь поморщился:

– Амнистия? После того, как в меня кидали бомбу?

– Именно поэтому, ваше величество. Амнистия — это жест великодушия. Она обескровит революционное движение. Те, кто ещё не сел, побегут записываться в партии, в Думу, в газеты. А бомбы делать перестанут.

Лорис-Меликов, который уже собирался уходить, остановился:

– Поручик прав. Я сам предлагал амнистию вчера. Но вы, государь, были против.

– Я был против, потому что боялся показаться слабым. Но сейчас... – Александр вздохнул. – Ладно. Объявить амнистию. Всем, кто не был вооружён. А убийц — в кандалы.

Нечаев почувствовал, как отпускает напряжение. «Первый этап пройден. Царь жив, конституция подписана, амнистия объявлена. Теперь — ждать реакции. И готовиться к следующему раунду».

Княгиня в деле

В тот же день, после обеда, Нечаева вызвала Долгорукая. Не через камердинера, а через молодую фрейлину, которая нашла его в казарме и, покраснев, прошептала: «Её светлость ждут вас в своих покоях. Без свидетелей».

Юрьевский дворец (официально — дворец великого князя Николая Николаевича, временно отданный Долгорукой) стоял на Дворцовой набережной, в двух шагах от Зимнего. Нечаев вошёл через боковую дверь, как велено. Внутри пахло деревом, воском и женщиной — тонкими духами, смешанными с запахом горячего чая.

Княгиня встретила его в небольшой гостиной, заставленной иконами и фотографиями. На одном из снимков — Александр II, молодой, с двумя детьми. На другом — сама Долгорукая с младенцем на руках.

– Садитесь, поручик, – сказала она без предисловий. – Вы не любите этикета, я знаю. Я тоже устала от него.

Нечаев сел в кресло. Она напротив, на диване, положив руки на колени. Платье сегодня было серое, будничное. Без украшений.

– Что вы думаете о вчерашнем, ваша светлость?

– Я думаю, что Бог услышал мои молитвы. – Она вздохнула. – Но не только. Я чувствую в вас что-то нечеловеческое. Вы знали. Вы ждали Гриневицкого именно в том месте. Вы не могли его видеть — поверьте мне, я расспросила всех, кто стоял рядом. Тот человек стоял у перил, но его закрывали лошади. Вы выстрелили на звук? Или... вы знали, где он будет?

Нечаеву стало не по себе. «У неё нюх ищейки».

– Ваша светлость, скажем так: я получил достоверную информацию о том, что покушение будет 1 марта, и что второй

бомбометатель будет стоять у перил напротив выхода из кареты. Источник информации я назвать не могу.

– Потому что его нет в этом мире? – Долгорукая наклонилась ближе. – Вы из будущего, поручик? Я спрашиваю не из любопытства. Мне нужно знать, чтобы защитить мужа. Что ещё вы знаете? Какие покушения будут? Кто из близких предаст?

Она произнесла это с такой силой, что Нечаев невольно отодвинулся.

– Ваша светлость, я не пророк. Я знаю только то, что уже случилось в моей линии времени. А в моей линии вас... – он запнулся.

– Меня?

– Вы овдовели 1 марта. Государь погиб. Вы уехали за границу, с детьми. Умерли в 1922 году, в Ницце. Вас почти забыли.

Долгорукая побелела. Потом медленно, очень медленно, перекрестилась.

– Значит, я была вдовой. Тридцать лет вдовой... – Она

посмотрела на фотографию мужа. – А он? Он что, не успел подписать конституцию? Не успел объявить о нашем браке?

– Не успел. Он умер в тот же день, через несколько часов после покушения. Вы были при нём, когда он умирал. Держали за руку.

Княгиня закрыла лицо ладонями. Нечаев ждал слёз, но женщина взяла себя в руки удивительно быстро. Она вообще была не из плакс.

– Хорошо, – выдохнула она. – Это не случилось. Теперь другое. Я должна знать: что мне делать? Как помочь мужу? Вы, человек из другого времени, дайте мне совет. Пожалуйста.

Нечаев задумался. «Она сильная. И хитрая. Не надо с ней играть в кошки-мышки».

– Ваша светлость, у вас есть враги при дворе. Ваши дети — морганатические, они не могут наследовать престол. Цесаревич Александр вас ненавидит, потому что вы отняли у его матери место. Но вы можете стать опорой для императора в его реформах. Вы умнее многих министров. Поддерживайте Лорис-Меликова. Не давайте отцу Иоанну Кронштадтскому и другим черносотенцам влиять на государя. И – са-

мое главное – не бойтесь быть публичной. Ваше присутствие рядом с царём на официальных мероприятиях покажет всем, что он не прячет любовь, а гордится ею. Это добавит ему популярности.

Долгорукая усмехнулась:

– Вы предлагаете мне стать политиком? Женщине? В России?

– В той России, которую мы строим, женщина может быть кем угодно. Даже императрицей. – Нечаев встал. – Вам придётся тяжело. Но вы справитесь. Вы уже справились с худшим – ожиданием смерти.

Княгиня поднялась тоже. Подошла вплотную. Нечаев почувствовал запах её духов – ландыш и что-то горькое.

– Вы странный человек, поручик. – Она взяла его за руку, как тогда, на Миллионной. – Вы говорите, как отец родной, но выглядите как солдат. Спасибо вам. Если я стану императрицей – вы будете моим первым советником.

– Не советником, ваша светлость. Просто человеком, который знает, как не дать России развалиться.

Она кивнула, отпустила руку и отошла к окну.

– Ступайте. И будьте осторожны. Те, кто вчера потерял своего зверя, наверняка будут мстить не только царю, но и вам.

Нечаев щёлкнул каблуками и вышел. В коридоре он вытер лоб – взмок, хоть и холодно.

«Она права. Народовольцы не прощают. Моя голова теперь стоит наравне с царской. Нужно быть начеку».

Глава четвёртая

Охота на охотника

Прошло три недели. Петербург жил новой, странной жизнью.

Конституция 1881 года – её уже окрестили «мартовской» – вызвала брожение в обществе. Либералы ликовали, консерваторы скрежетали зубами, крестьяне ничего не поняли, но мужики в очередях за водкой рассуждали о том, что «теперь у нас будет парламент, как в Америке». Народовольцы молчали – аресты, провалы, казнь Рысакова (повешен 15 марта в Шлиссельбурге) лишили их централизованной

структуры.

Но Нечаев знал, что тишина обманлива.

Каждое утро он надевал форму, проверял револьвер (теперь их у него было два: казённый и трофейный, купленный у контрабандиста – «смит-вессон» с ударным механизмом новой конструкции) и отправлялся в Зимний. Царь назначил его личным адъютантом по «особым поручениям» – должность звучала расплывчато, но позволяла бывать везде. На деле Нечаев стал чем-то вроде начальника тайной охраны, только без официального статуса.

Он перестроил систему безопасности императора.

На каждые выезды теперь выделялось двенадцать человек из конвоя, прошедших инструктаж: после любого взрыва или выстрела первая машина (каре́та или, по настоянию Нечаева, вскоре заменённая на бронированный экипаж) немедленно уезжает, не останавливаясь. Царю строжайше запрещалось выходить к раненым – этим занимается полиция. Маршруты менялись ежедневно, о них знали только трое: царь, Нечаев и Дворжицкий.

– Поручик, вы меня в тюрьму заключили! – ворчал Александр. – Я не могу выехать без того, чтобы вы не окружили

меня казаками.

– Ваше величество, – терпеливо отвечал Нечаев, – террористы умны. Их учили в Швейцарии и Франции. Если мы дадим им слабинку, они найдут способ. Ваша жизнь – не ваша. Она принадлежит России.

Царь вздыхал и подчинялся.

Вербовка цесаревича

Но самым трудным оказался не царь, а цесаревич.

Александр Александрович после того разговора в казарме исчез на неделю. Говорили, он уехал в Гатчину, заперся в кабинете и не выходил. Нечаев готовился к худшему – ссылке, тюрьме, может, к пуле в спину.

Однако 12 марта цесаревич вернулся. И попросил личной встречи.

На этот раз они говорили не в казарме, а в Аничковом дворце – в личном кабинете наследника. Комната была тёмной, с тяжёлыми портьерами, заставленная охотничьими трофеями и книгами по военной истории. Цесаревич сидел за столом, перед ним лежала развёрнутая карта России.

– Входите, поручик. Закройте дверь.

Нечаев закрыл. Встал у стены.

– Я много думал о том, что вы сказали, – начал наследник медленно. – О моей будущей реакции, о сыне, о войне. Я даже взял секретный архив и посмотрел донесения агентов о революционных кругах. И знаете что? Вы правы. Если мы продолжим давить, они взорвутся. Но если мы дадим им свободу – нас зальют грязью. И ... ?!

– Ваше высочество, – сказал Нечаев, – свобода не означает вседозволенности. Можно создать Думу, но оставить за собой право вето. Можно разрешить газеты, но закрыть те, которые призывают к насилию. Можно отпустить политических заключённых, но твёрдо обещать: за следующую бомбу – смертная казнь. Золотая середина.

Цесаревич хмыкнул:

– Вы и это знаете?

– Это называется «социальный компромисс». В моём мире это знают все, кто учился политологии. К сожалению, у нас тоже не всегда получается.

Наследник встал, подошёл к карте. Провёл пальцем по границе с Германией.

– Вы сказали, мой сын проиграет войну. Про какую войну? С кем?

– Не одну. А две. С германцами и австрийцами. В 1914 году. А перед ней - с Японией в 1904-м. Ваш сын, Николай II, окажется слабым правителем. Армия будет не готова, оружия не хватит, генералы окажутся бездарными. Империя рухнет за три года.

– А я? – тихо спросил цесаревич. – Что я делаю в этой войне? Я же умру до неё?

– Вы умрёте в 1894 году, от болезни почек. До войны не доживёте. Но ваше наследие – реакция, русификация окраин, отказ от реформ – подготовит почву для катастрофы.

Наследник сжал кулаки. Потом медленно разжал.

– Значит, вы предлагаете мне изменить моё наследие?

– Да, ваше высочество. Не отказывайтесь от реформ отца. Продолжайте их. Не давите на поляков и финнов – дайте им

культурную автономию. Не сажайте в тюрьмы каждого, кто скажет «конституция» – пусть говорят. Стройте заводы, дороги, школы. И тогда, когда вы умрёте, страна будет не на грани взрыва, а на пороге величия.

Цесаревич долго молчал. Потом спросил:

– А вы верите, что я могу стать другим? Что человек способен переломить свою судьбу, если знает её наперед?

– Верю, – сказал Нечаев. – Потому что вы сейчас говорите иначе, чем в моей истории. Там вы после смерти отца сказали: «Пускай они лезут на стены, а я не уступлю». А здесь вы слушаете. Это уже перемена.

Наследник кивнул, будто принял решение.

– Хорошо, поручик. Я попробую. Но если вы меня обманываете... – он снова потянулся к карте, но не завершил угрозу. Просто посмотрел на Нечаева тяжёлым взглядом.

– Не обманываю, ваше высочество. Мне смысла нет. Я отсюда всё равно уйду, наверное, когда выполню задачу.

– Куда уйдёте?

– Не знаю. Может, обратно в своё время. А может, останусь здесь. Главное, чтобы империя выжила.

Цесаревич хлопнул его по плечу:

– Ступайте. И скажите отцу, что я согласен на его Думу. И на амнистию. И на... – он поморщился, – на публичное признание Долгорукой.

Нечаев чуть не поперхнулся:

– Вы согласны, чтобы княгиню короновали?

– Согласен, чёрт возьми! – цесаревич почти зарычал. – Если это поможет избежать революции, то пусть хоть цыганку коронуют. Но предупредите её: пусть не лезет в политику. Пусть рождает детей и держит рот на замке. Ясно?

– Ясно, ваше высочество. Передам.

Нечаев вышел из кабинета с ощущением, что только что подписал мирный договор с горным обвалом. «Цесаревич сдался. Не до конца, но сдался. Ещё шаг – и он станет моим союзником, а не врагом».

Романовская свадьба

23 марта 1881 года – день, который вошёл в историю.

В Исаакиевском соборе, при стечении всего двора, дипломатов и журналистов, Александр II обвенчался с княгиней Екатериной Долгорукой. Морганатический брак – да, но с объявлением: отныне супруга государя носит титул светлейшей княгини Юрьевской, а их дети именуются князьями и княжнами Юрьевскими. Более того, царь публично заявил, что «сердце моё принадлежит этой женщине, и я хочу, чтобы народ знал: она достойна трона».

Нечаев сидел на хорах, в форме адъютанта, с револьвером под мышкой. Отсюда он видел всё: как Долгорукая шла к аналою в белом платье, как дрожали её руки, когда надевали венец, как цесаревич, стоявший среди свидетелей, хмурился, но не отводил взгляда. Рядом с наследником – его жена, датская принцесса Дагмар (будущая императрица Мария Фёдоровна), смотрела на церемонию с ледяной вежливостью.

«История изменилась окончательно, – думал Нечаев. – В моей реальности этого брака не признали публично. Здесь – признали. Императрица Мария Александровна умерла в мае 1880 года, прошло меньше года – прилично ли? Но плевать. Главное – жив Александр, и он счастлив».

После венчания был ужин в Зимнем. Нечаеву, как одному из «спасителей Отечества» (так его уже называли газеты), отвели место за первым столом, недалеко от императора. Княгиня – теперь уже официальная супруга – сияла. Она то и дело поглядывала на мужа и на Нечаева, и каждый раз её взгляд становился теплее.

Ближе к полуночи, когда гости разошлись, Долгорукая подозвала Нечаева к себе.

– Поручик, – сказала она, взяв бокал шампанского. – Я сегодня самый счастливый человек на свете. Но я знаю, что вы – причина этого счастья. Если бы не ваш выстрел, я была бы сейчас вдовой.

– Ваше величество, – Нечаев впервые назвал её так, и она вздрогнула от неожиданности. – Вы – императрица. По крайней мере, для меня. И я рад, что смог сделать вас счастливой.

– Величество... – повторила она. – Привыкаю. Знаете, поручик, вы не просто охранник. Вы – ангел-хранитель. И я хочу, чтобы вы всегда были рядом.

– Буду рядом. Пока нужен.

– Вы будете нужны всегда. – Она пригубила шампанское. –

А теперь идите. Цесаревич ждёт вас в малой гостиной. Сказал, что хочет выпить с вами водки «за примирение».

Нечаев улыбнулся:

– Иду, ваше величество.

Тот вечер стал поворотным. Цесаревич и Нечаев пили водку (настоящую, из графина), закусывали солёными огурцами и говорили о войнах, политике, женщинах. Наследник оказался неплохим собеседником, когда не злился.

– Знаете, поручик, – сказал он уже под градусом, – а ведь мой отец действительно счастлив. Я не видел его таким со смерти мама. – Он имел в виду императрицу Марию Александровну. – Эта... княгиня... она ему нужна. Как воздух.

– Вы мудрый человек, ваше высочество, – заметил Нечаев.

– Не мудрый, а уставший от интриг. – Цесаревич налил ещё. – Ладно. Завтра начнём новую жизнь. Дума, реформы, заводы. – Он стукнул кулаком по столу. – Но если эта Дума посмеет покушаться на права монарха – я её разгоню! Как вы, поручик, разогнали того террориста.

– Согласен, ваше высочество. Но сначала дайте им шанс.

Цесаревич кивнул и вдруг сказал:

– А вы, поручик... вы не хотите жениться? У меня есть хорошая кандидатура. Племянница жены. Красивая, умная. И очень богатая.

Нечаев поперхнулся водкой:

– Ваше высочество, я солдат. Моя жена – служба.

– Глупости. – Наследник улыбнулся. – Ладно, потом. А сейчас – идите спать. Завтра у нас будет много работы.

Нечаев раскланялся и вышел в ночной Петербург. Над Невой висела луна, жёлтая, как царская монета. Где-то вдалеке гудел колокол Исаакия.

Он шёл по набережной и думал: «Три недели прошло. Империя стоит. Царь жив. Любовь узаконена. Чёрт возьми, мы справляемся. Но чувствую, что это затишье перед бурей. Народовольцы не успокоились. Где-то уже затачивают ножи. На меня – в первую очередь».

Он не ошибся.

Глава 4

Кровь на снегу

До покушения на самого Нечаева оставалось девять дней. Он этого не знал, но чувствовал. Профессиональное чутье, которое не обманывало ни в Чечне, ни в Сирии, сейчас зудело под ложечкой.

Каждое утро он просыпался в своей новой квартире — двух комнатах над казармой, которые ему выделили по личному распоряжению царя. Пол был скрипучий, окна выходили во двор, где вечно орали петухи и ругались прачки. Но было тепло, и на столе всегда стоял графин с водой и свежие газеты.

Нечаев читал их с остервенением. «Правительственный вестник» хвалил конституцию. «Новое время» — осторожничало. А подпольная «Народная воля», которую ему переправлял Лорис-Меликов из конфискованных экземпляров, была в одну точку: «Убить пса царского — поручика Нечаева, который застрелил нашего товарища Гриневицкого. Он — главный враг революции. Он — палач».

— Лестно, — бормотал Нечаев, бросая листовку в печку.

— Палач. А сами-то с бомбами на безоружных.

Третьего апреля ему исполнилось — по документам, новым, изготовленным в канцелярии Лорис-Меликова — двадцать девять лет. На самом деле в 2024-м ему было тридцать семь. Но разница роли не играла. Важнее было то, что у него завелись враги.

Снег и стекло

9 апреля 1881 года. Петербург накрыло поздним снегопадом — хлопья валили такие густые, что в двух шагах ничего не было видно. Нечаев ехал с проверки постов на Фонтанке, в простых санях, без охраны. Это было нарушением его же инструкций, но он рассуждал так: «Царю — броня и конвой. А я — человек расходный. Если меня уберут, придет другой».

Сани тащила старая лошаде́нка, которую ему выделили «для хозяйственных нужд». Кучер — отставной унтер, молчаливый и пьющий. Они уже проехали Семёновский мост, когда Нечаев заметил движение слева.

Из подворотни вышли трое. В тулупах, шапках, с опущенными лицами. Но руки — руки не прятали. В руках — ножи и один револьвер.

«Классика, — подумал Нечаев. — Подходят под руку, бьют в упор. Время реакции — полторы секунды».

— Кучер, гони!

Но кучер был пьян и не сообразил. А лошадь — старая и флегматичная.

Первый нападающий — рыжий, с выпученными глазами — уже хватал за вожжи. Второй, с револьвером, целился в грудь.

Нечаев не стал ждать. Он упал на дно саней, одновременно выхватывая «смит-вессон» из кобуры под мышкой. Выстрел — прямо через борт саней, на звук. Рыжий вскрикнул и схватился за живот.

Второй выстрел — в сторону револьвера. Не попал, но тот, кто целился, шарахнулся и выстрелил вверх.

Третий — самый молодой, с ножом — бросился к саням с другой стороны. Нечаев перекатился, ударил ногой в лицо, выбил нож. Крякнул от боли — сапог был мягкий, удар не идеальный.

Четвертый — откуда? — вынырнул из снегопада сзади и саданул Нечаева тупым предметом по голове. Сознание померкло на секунду. Но руки помнили — ухватиться за револьвер, нажать курок.

Выстрел в упор. Четвертый осел.

— Господи! — заорал кучер и рванул вожжи. Лошадь наконец пошла рысью. Нечаев, истекая кровью из рассеченного затылка, держался за борта и стрелял навскидку, пока не кончились патроны.

Потом была тишина. Только ветер и хлопья снега, засыпающие красные пятна на белом.

В кабинете следователя

Он очнулся в придворном лазарете. Голова гудела, затылок зашит — шесть швов. Рядом стоял Лорис-Меликов и читал рапорт.

— Двух убили, — сказал граф, не поднимая глаз. — Третьего, рыжего, мы взяли живым. Он пришёл в себя в лазарете при тюрьме. Говорит, что они из «Народной воли», но не из центра, а из боевой группы, которую собрали специально под вас. Заказ на вашу голову — пятьсот рублей.

— Дёшево, — прохрипел Нечаев. — Я думал, я дороже стою.

— Вы, поручик, бесценны. — Лорис-Меликов положил рапорт на тумбочку. — Государь приказал дать вам охрану. Постоянно. Два человека. Вы не имеете права выходить один.

— Граф, — Нечаев попытался приподняться, — мне нужно работать. С царём. С народовольцами. Если я буду ходить с телохранителями, это покажет им, что я боюсь.

— А вы не боитесь?

— Боюсь. Но не должен показывать.

Лорис-Меликов помолчал. Потом усмехнулся:

— Вы либо очень храбрый, либо очень глупый. Но царевубийц вы ненавидите правильно. — Он встал. — Отдыхайте. Завтра допрос пленного. Хотите присутствовать?

— Хочу.

— Тогда спите.

Граф вышел. Нечаев закрыл глаза и провалился в сон без сновидений.

Допрос

Арестованного звали Митрофан Козлов. Двадцать три года, бывший студент, исключённый за участие в беспорядках. Круглое лицо, детские губы, но глаза — затравленные, злые.

Допрос шёл в Третьем отделении — бывшей вотчине графа Шувалова, теперь при Лорис-Меликове перепрофилированной в обычный следственный изолятор. Нечаев сидел за стеклом — так было безопаснее.

Козлова допрашивал полковник жандармерии Судзейкин — сухой, как жердь, с моноклем и усами. Судзейкин был известен тем, что умел говорить тихо, но так, что от его шёпота стыла кровь.

— Кто дал вам приказ? — спросил полковник.

Козлов молчал, глядя в пол.

— Вы знаете, что за покушение на офицера, спасшего государя, полагается смертная казнь?

— Знаю, — хрипло ответил Козлов. — Мне плевать.

— А вашей матери? Ей не плевать. Она в Твери, одна, вы у неё единственный сын.

Козлов дёрнулся. Судзейкин точно знал, куда бить.

— Мы не хотели убивать, — вдруг выпалил арестант. — Мы хотели его запугать. Чтобы он убрался из России.

— Кого — запугать? Поручика Нечаева?

— Да. Нам сказали, что он пришлый. Что он не русский. Что он — западный шпион, который надул царю в уши про конституцию.

Нечаев за стеклом усмехнулся. «Западный шпион. Оригинально. Из двадцать первого века — западный? Скорее уж, восточный».

— Кто сказал? — наседал Судзейкин.

— Товарищ Гельфман. Она пришла к нам на явочную квартиру и сказала: «Убейте поручика Нечаева, и царь останется без защиты. Его убьют другие».

— Где эта явочная квартира?

— Не скажу.

Судзейкин вздохнул и сделал знак конвойному. Козлова увели. Нечаев вышел из-за стекла, подошёл к полковнику.

— Гельфман? Это не та, которая жена Кибальчича?

— Та самая. Геся Гельфман. У неё связь с типографией народовольцев. Мы её давно ищем. Но она хитрая — как мышь, меняет адреса.

— Полковник, — Нечаев посмотрел ему в глаза, — разрешите мне самому выйти на Гельфман. Я знаю, как работают такие ячейки. Можно устроить засаду через её связных.

Судзейкин поджал губы:

— Вы офицер, а не сыщик.

— Я человек, которого пытались убить. Имею право на личную месть.

— Мечь — это грех, поручик.

— А защита государя — долг. Давайте работать вместе.

Полковник подумал и кивнул:

— Хорошо. Но без самодеятельности. И без стрельбы в городе. Договорились?

— Так точно.

Тайный друг

Через три дня, когда рана зажила, Нечаев встретил в коридоре Зимнего дворца саму Гельфман.

То есть — не встретил, а увидел. Она пришла под видом прачки, с корзиной белья. Нечаев узнал её по фотографии — овальное лицо, тёмные глаза, лёгкая горбинка на носу. Он замер, рука потянулась к револьверу.

Но в этот момент из-за угла вышла Долгорукая с младшим ребёнком на руках.

— Поручик, что вы стоите? Помогите мне донести свёртки.

Гельфман, увидев княгиню, опустила голову и быстро свернула в боковой коридор. Нечаев рванул за ней, но на лестнице её уже не было — словно сквозь землю провалилась.

— Это была она, — прошептал Нечаев, вернувшись к Долгорукой. — Геся Гельфман. Террористка.

Княгиня побледнела:

— Здесь? Во дворце?

— Я видел её. Она под видом прислуги. Значит, у неё есть сообщники среди персонала.

— Надо срочно сказать государю!

— Нет. — Нечаев взял её за локоть. — Ваше величество, если мы скажем сейчас, она узнает и исчезнет. Дайте мне два дня. Я прослежу за ней через её связных. И тогда мы возьмём всю сеть.

Долгорукая посмотрела на него, как на сумасшедшего:

— Вы хотите использовать себя как приманку?

— Хочу. Я уже в списке на убийство. Если меня застрелят — так хоть я возьму с собой нескольких гадов.

— Поручик... — она запнулась. — Сергей Викторович, я не разрешаю. Вы мне нужны живым.

Она назвала его по имени-отчеству впервые. Нечаев смешался:

— Ваше величество...

— Никаких «ваше величество». Я вам говорю как женщина, мужчине: не лезьте в пекло. Пусть жандармы работают. А вы — берегите себя. Для нас. Для империи. Для... — она чуть не сказала «для меня», но осеклась.

Нечаев кивнул:

— Хорошо. Я буду осторожен.

Она ушла, унося ребёнка. А он остался стоять в коридоре и думать: «Чёрт. Привязался к этой женщине. Не как к клиентке, а как к... к кому? К другу? К сестре?»

Он отогнал мысли. Работа есть работа.

Засада на Литейном

Гельфман взяли на пятый день, 14 апреля. Нечаев не участвовал в операции — Судзейкин настоял, чтобы поручик сидел в казарме. Но Нечаев всё равно приехал, когда услышал стрельбу.

Явочная квартира на Литейном проспекте, дом 24, была окружена к вечеру. Гельфман заперлась в комнате и отстреливалась из револьвера — ранила одного городского. Судзейкин приказал ломать дверь.

Нечаев поднялся по лестнице, переступая через щепки. Внутри — комнатушка, заваленная листовками, типографской краской, чертежами взрывных устройств. Гельфман стояла у окна с дымящимся револьвером. На ней было мужское пальто и шляпа.

— Бросайте оружие! — крикнул Судзейкин.

Гельфман посмотрела на Нечаева. Узнала. Улыбнулась — кривой, злой улыбкой.

— А, герой-поручик. Пришли полюбоваться на свою смерть?

— Я пришёл сказать вам, — Нечаев шагнул вперёд, — что вы проиграли. Конституция подписана. Царь жив. Ваши бомбы никому не нужны. Сдавайтесь.

— Конституция? — Гельфман засмеялась. — Это игрушка. Народ не получит земли, пока царь сидит на троне. Мы всё равно его убьём. И вас. И всех, кто с ним.

Она подняла револьвер к виску.

— Не стреляйте! — заорал Судзейкин, но было поздно.

Выстрел. Гельфман пошатнулась и упала лицом на разбросанные листовки. Кровь потекла по бумаге, смывая типографскую краску.

Нечаев закрыл глаза.

— Передавайте в газетах, — сказал он глухо, — что террористка покончила с собой. Не надо лишнего шума. И найдите её сообщников по адресной книге.

Он вышел на улицу. Ночной Петербург дышал сыростью. Где-то играла шарманка, пахло мокрыми камнями и смертью.

«Одной меньше, — подумал Нечаев. — Но сколько их ещё? И сколько ещё умрёт, прежде чем они поймут — бомбами империю не сломать?»»

Царь и конституция

А тем временем мартовская Дума начала свою работу. Нечаеву пришлось погрузиться в политику глубже, чем он хотел. Его влияние на царя росло, и это не нравилось многим.

15 апреля Александр II подписал закон о выборах в Государственную Думу — всеобщих, двухстепенных, с высоким имущественным цензом. Крестьяне получали 45% мест, дворяне — 30%, горожане — 25%. Это была не демократия в британском стиле, но шаг вперёд.

Либералы ликовали. Консерваторы шипели. А Нечаев сидел в кабинете Лорис-Меликова и правил законопроект о свободе печати, который ему дали на отзыв.

— Вы, поручик, военный человек, — заметил Лорис-Меликов, глядя, как Нечаев черкает карандашом. — А пишете так, будто всю жизнь законы составляли.

— В моём мире, граф, законов больше, чем в вашем. И все

они написаны кровью. — Нечаев отодвинул бумагу. — Газеты можно закрывать только по суду. Запретить цензуру предварительную, но ввести послепубликационную ответственность. Кто призывает к насилию — в тюрьму. Кто критикует власть — пусть критикует.

— А если будут критиковать меня?

— Тем лучше, ваше сиятельство. Значит, вы им мешаете. Значит, вы делаете свою работу.

Лорис-Меликов взял бумагу, прочитал, хмыкнул:

— Хорошо. Пусть так. Но если газеты начнут травить государя — я их закрою, невзирая на суды.

— Ваше право, граф. Главное — чтобы было понятно: закрываете вы по закону, а не по капризу.

Они выпили чаю — с лимоном, по-дворянски. Нечаев вспомнил пластиковые стаканчики с кофе в московском метро и улыбнулся.

— Знаете, поручик, — сказал вдруг Лорис-Меликов, — я ведь поначалу хотел отправить вас в отставку. Не доверял вам. А теперь... теперь я рад, что вы здесь.

— Спасибо, граф. Я тоже рад, что я здесь. Хотя иногда бывает страшно.

— Чего боитесь?

— Что не успею. Что что-то пойдёт не так. Что проснусь в своей кровати в 2024 году и пойму, что это был сон.

Граф положил ему руку на плечо:

— Не будет сна, поручик. Уж слишком много крови пролито.

Семейные тайны

Двадцать третьего апреля Нечаева пригласили на семейный ужин в Юрьевский дворец. Формально — как адъютанта. Неформально — Долгорукая настояла.

В гостиной собрались: император с женой, четверо их детей (самому младшему — Георгию — было девять лет), цесаревич с супругой и трое придворных, включая Лорис-Меликова. Нечаев держался скромно, сидел в конце стола, но хозяйка то и дело обращалась к нему.

— Поручик, как вам вчерашний бал у графа Шереметева? Говорят, вы отказались танцевать со фрейлинами.

— Ваше величество, я солдат. Танцы не моё.

— А что ваше? Револьверы?

— И они тоже.

Цесаревич хмыкнул:

— Отец, вы только посмотрите. Он даже шутить не умеет.

— Зато он умеет стрелять, — сказал царь. — Это важнее. Александр, ты простил уже поручику его пророчества?

Наследник поморщился:

— Я не простил. Но... принял к сведению.

— Вот и хорошо. — Царь поднял бокал. — За поручика Нечаева! За человека, который подарил мне второй шанс. И России — тоже.

Все чокнулись. Долгорукая посмотрела на Нечаева глазами, в которых читалось что-то большее, чем благодарность.

«Только бы не влюбилась, — растерянно подумал Нечаев. — Только бы не это. У меня и так проблем выше крыши».

Но он ошибался. Долгорукая его не любила — она уважала. И в этом уважении была сила, которая потом спасет ему жизнь.

1917 не наступит

Поздним вечером того же дня Нечаев остался с царём наедине. Александр II курил — трубку, что делал редко.

— Поручик, — сказал он, — я хочу спросить вас как человек человека. Если бы не вы, я бы погиб. И Россия покадилась бы под откос. Что стало бы с моими детьми? С Катей?

— В моей истории, ваше величество, ваши дети от княгини Юрьевской уехали за границу. Старший, Георгий, умер молодым. Дочь Ольга вышла замуж за князя Долгорукова и жила в Англии. Их потомки живы до сих пор. Но они были никому не нужны — просто забытые отпрыски морганатического брака.

— А наследник? Александр?

— Ваш сын стал императором. Правил тринадцать лет. Свёртывал реформы. Его сын, Николай II, был последним русским царём. Его расстреляли с семьёй в 1918 году, в Екатеринбурге. В подвале. Вместе с женой и пятью детьми.

Александр II закашлялся — то ли от дыма, то ли от шока.

— Боже... Дети? Их расстреляли?

— Всех. Даже слуг. Дочь Ольга выжила — её вывезли. Остальные... — Нечаев замолчал. — Ваше величество, вы сейчас имеете шанс изменить всё. Конституция, Дума, свобода печати — это не просто реформы. Это — вакцина от революции. Если вы дадите людям право голоса, если ваш сын продолжит ваше дело, в 1917 году никто не пойдёт на баррикады.

Царь выбил трубку. Смотрел на пепел.

— А вы, поручик... вы верите, что мы успеем?

— У нас есть время. Тридцать шесть лет до роковой даты. Этого достаточно, чтобы построить новую Россию.

— Тридцать шесть лет... — повторил император. — Я не доживу. Но сын — доживёт. И внук.

— Ваш внук — ещё ребенок. Его можно правильно воспитать. Объяснить ему, что царь — не бог, а слуга государства. Что власть не даётся для удовольствия, а для заботы о миллионах.

Александр II усмехнулся:

— Вы атеист, поручик?

— Агностик, ваше величество. Но в истории я верю твёрдо. Если вы сделаете то, что задумали, — вас назовут Великим. Сильнее, чем Петра. Петр прорубил окно в Европу, а вы откроете дверь в свободу для страны.

— Лестно. — Царь помолчал. — А теперь ступайте. Мне нужно подумать. И помолиться.

Нечаев встал, щёлкнул каблуками. На пороге обернулся:

— Ваше величество, одна просьба.

— Слушаю.

— Не верьте тем, кто будет говорить, что народ не готов к свободе. Народ никогда не готов. Но если не дать ему свобо-

ду сегодня, завтра он возьмёт её сам. И тогда будет поздно.

Царь кивнул:

— Я запомню.

Эпилог пятой главы

Ночью Нечаеву приснился странный сон.

Он стоял на Красной площади в Москве. Но не в своей Москве 2024 года, а в какой-то другой — чистой, без ларьков и рекламы. По брусчатке шли люди в старомодной одежде, но с айфонами в руках. Играла музыка — смесь маршей и рока.

К нему подошёл старик с бородой и в сюртуке.

— Спасибо, поручик, — сказал старик. — Мы вас не забудем.

Нечаев хотел спросить, кто он, но проснулся. За окном кричали петухи, пахло щами, и на стене висела карта России 1881 года.

«Сон в руку, — подумал Нечаев. — Или не в руку. Время

покажет».

Он встал, умылся ледяной водой, надел форму. Впереди был новый день — с новыми угрозами, новыми интригами и новой надеждой, которой не было в старой истории.

Глава 5

Думский переполох

Первое заседание Государственной Думы открылось 1 сентября 1881 года — ровно через полгода после мартовского покушения. Таврический дворец, который помнил ещё Екатерину, был отмыт, отремонтирован и украшен двуглавыми орлами. Депутаты — четыреста двадцать три человека от губерний и городов — сидели на деревянных скамьях, мяли в руках повестки и шептались.

Нечаев сидел на хорах, в ложе для приглашённых, рядом с Лорис-Меликовым. Граф был бледен, но спокоен.

— Нервничаете, ваше сиятельство? — спросил Нечаев.

— Трясусь, как заяц, — признался Лорис-Меликов. — Эти господа никогда не собирались вместе. Земцы враждуют с дворянами, крестьяне не доверяют городским, а поляки — вон, сидят отдельной группой и зыркают как волки.

— Нормальный парламент. В моём мире ещё истеричнее.

Внизу загредел колокольчик — президиум призвал к по-

рядку. Председателем был избран граф Михаил Лорис-Меликов — сам министр внутренних дел, что было спорным решением, но царь настоял. Он поднялся на трибуну, надел очки, развернул бумагу.

— Господа депутаты! Российская империя вступает на путь народного представительства. Это не уступка революции — это воля государя императора, который даровал вам право голоса. Не употребите его во зло.

Зал загудел. Депутат от Тверской губернии, либерал Иван Петрункевич, поднял руку:

— Когда мы сможем вносить законопроекты? У нас есть вопросы о крестьянской земле, о суде, о цензуре!

— У нас, — резко ответил Лорис-Меликов, — есть регламент. Законопроекты проходят через думские комитеты и поступают на утверждение государя. Имейте терпение.

— Терпение? — крикнул кто-то из левых рядов. — Мы ждали этого девяносто лет! С декабристов!

— И подождёте ещё два месяца, — отрезал Лорис-Меликов.

Нечаев слушал и думал: «Этот парламент не ФСДР — слава богу. Здесь нет Ленина. Нет большевиков. Но есть радикалы, которые завтра же потребуют отмены самодержавия. Царь не пойдёт на это. Значит, конфликт неизбежен. Вопрос — смогут ли они договориться».

После заседания он спустился в кулуары — огромный зал с колоннами, где пахло табаком и потом. Депутаты толпились в буфете, обсуждали, спорили. Нечаева узнали — газеты напечатали его портрет («герой-поручик Нечаев, спасший государя»). Кто-то пожимал руку, кто-то косился с недоверием.

— Поручик, — окликнул его пожилой земец с длинной бородой. — Скажите правду. Государь действительно подписал конституцию добровольно? Или его заставили?

— Добровольно, — ответил Нечаев. — Я был рядом. Он сам взял перо в свою руку.

— Но поговаривают, что вы... — земец понизил голос, — ...что вы из тайного общества. Что вы шпион.

— Сплетни, батенька. Шпионы в России всегда были, а выжил — один я.

Земец хмыкнул, отошёл. Нечаев почувствовал спиной взгляд — холодный, тяжёлый. Обернулся. В углу кулуара стоял молодой человек с бледным лицом и длинными волосами — очень похожий на одного из народовольцев по фотороботу. И неподалёку - еще один, уже посматривавший за этим.

«Слежку включил, — понял Нечаев. — Докладываю Судзейкину».

Он вышел из Таврического, сел в сани и приказал кучеру ехать не в казармы, а в Третье отделение. По дороге дважды менял маршрут — старый приём. Хвоста не было, но осадок остался.

Консервативный заговор

В Третьем отделении Судзейкин показал Нечаеву перехваченное письмо. Бумага была тонкая, с водяными знаками, почерк каллиграфический.

«Графу Палену. В Зимний дворец. Лично.

Государь сошёл с ума под влиянием этой особы (Долгорукой) и проходимца (Нечаева). Дума — это начало конца. Мы должны действовать, пока не поздно. В ноябре я буду в Пе-

тербурге. Встречаемся в Юсуповском саду. Подробности — при личной беседе. Уничтожьте по прочтении.

К. — конфиденциально.»

— Кто такой «К»? — спросил Нечаев.

— Понятия не имею, — Судзейкин развёл руками. — Но «граф Пален» — это генерал-адъютант Пален, начальник императорской канцелярии. Человек, близкий к государю. И, как выясняется, нелояльный.

— У нас есть время до ноября. Надо подставить Палена — но так, чтобы царь сам его уволил.

— Как? Пален — старый лис. Он ничего не подпишет, ничего не скажет прямо.

Нечаев задумался. Потом усмехнулся:

— А мы заставим его говорить. Есть один способ, старый как мир. Пусть царь невзначай скажет Палену, что собирается на неделю уехать в Ливадию без охраны — якобы по личным делам. И посмотрим, как Пален отреагирует.

— Это провокация.

— Это контрразведка, полковник.

Судзейкин вздохнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.